

М.С.Блехман

Мелькадрики

*Правдивые рассказы из жизни
русских людей на исторической Родине*

Михаил Самойлович Блехман

Мелькадрики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5807226

Аннотация

«Мелькадрики» – новая книга замечательного современного писателя, лингвиста и переводчика Михаила Блехмана, представляющая из себя забавные беседы интеллигентов о жизни в доперестроечной советской России.

Книга отличается обилием задорного и задиристого юмора, источником которого является сама жизнь, ее украшает блестящая авторская ирония и отличное знание всех тонкостей отечественного быта.

В России всегда посылали, посылают, и будут посылать. В противном случае это уже будет не Россия. Но стоит ли двум обычным русским людям, Аркадию Фурману и Исаку Зильбербубен, сердечно прикипевшим к Родине, уезжать из этой страны, вызывающей такие сильные и трогательные эмоции?

Содержание

Кадрик 1	5
Кадрик 2	9
Кадрик 3	16
Кадрик 4	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Михаил Блехман

Мелькадрики

Клянусь говорить правду, и только правду.

Свидетель.

Не клянись.

Судья.

**Правдивые рассказы из жизни русских
людей на неисторической Родине**

Кадрик 1

Была весна – время между двумя отопительными сезонами, когда уже не топят и ещё не топят, причём не потому, что так нужно, а потому, что начальству виднее.

На кухне 3-комнатной квартиры на Преображенке сидели обычные русские интеллигенты – Аркадий Ильич Фурман и Исак Менделевич Зильбербубен. Перестройка была в разгаре, поэтому кухня понемногу переставала быть тем, чем она была в старые добрые времена. Если раньше на ней саркастически исповедовались и отводили душу, то теперь – строили планы.

Аркадий Ильич ел сало, нарезанное тонкими ломтиками и положенное единственно правильным образом – на кусочки чёрного хлеба. Исак же Менделевич пил кефир, заедая его сушками.

Говорили о многом – как обычно говорили на кухне: о смысле жизни, гуманитарных ценностях, общих знакомых, а более и глубже всего, как могут только воистину русские интеллигенты, – о России.

Аркадий Ильич был провинциалом, то есть не москвичом. Он приехал проводить Исака Менделевича в, как они оба надеялись, последний путь: Исак Менделевич **уезжал**. Собственно, разговор как раз и вращался вокруг **отъезда** – темы, ставшей наиболее актуальной для русских интеллиген-

тов, начиная с 70-х годов двадцатого века.

Вообще-то ехать или не ехать – этот главный русский вопрос – они неоднократно обсуждали раньше, на этой самой кухне, причём переубедить друг друга так и не смогли.

Аркадий Ильич по-прежнему считал, что ехать в принципе надо, но пока рановато, и любил сало с чёрным хлебом. А Исак Менделевич, предпочитавший сушки с кефиром, не только полагал, что ехать необходимо уже сейчас, но и реально ехал – на следующей неделе.

Аркадий Ильич откусил солёного огурца, отпил пива и произнёс с надеждой:

– Сейчас, когда всё как раз начинается...

– Ах, Аркаша, – возразил ему Исак Менделевич с мудрой улыбкой пожившего человека, мечтающего пожить ещё, но хотя бы чуть-чуть лучше. – Тут уже всё давным-давно закончилось. Вот увидите – мы с вами там встретимся.

И доел сушку.

Аркадий Ильич слизнул с губ таявшее на них сало.

– Изменений много, Исак Менделевич, – вы же сами видите.

– Каких же именно?

– Главное – сейчас никуда не посылают.

– Аркаша, – снова возразил Исак Менделевич, – чтобы вы знали: в России всегда посылают. Посылали, посылают, и будут посылать. Иначе это будет не Россия.

– Да я же не в том смысле. То – само собой, святое дело. А

я имею в виду, что ни в колхоз не посылают, ни на стройку, ни на кагаты.

– Куда?

– На кагаты. Это – по-вашему «овощная база». Язык сломаешь. Вы тут, в столице, этого всего не знаете. Вас толком и не посылали никогда.

Исак Менделевич налил себе чаю и положил две ложечки сахару. Тем временем Аркадий продолжал:

– Кагаты – это особый мир. Государство, можно сказать, в государстве. Летом мы овощи пропалывали, собирали и отправляли на кагаты, а осенью, когда они там сгниют, – выбрасывали. Замкнутый производственный цикл.

Исак Менделевич слегка поперхнулся.

– Неужели всё сгнивало? Всё-таки овощи же были иногда...

– Это – исключение. А в основном сгнивали. Вы же не были на кагатах, не знаете. Там хорошо гнилось.

Сала больше не было.

Помолчали, думая каждый о своём, а в сущности – об одном и том же.

– Хотите сосиску? – заботливо спросил Исак Менделевич.

– А сардельки у вас не найдётся? Что-то сарделек захотелось...

– Найдётся, конечно, – сказал Исак Менделевич и бросил в кастрюльку пару сарделек вариться.

Аркадий доел кусочек чёрного хлеба, вытянул ноги и про-

говорил:

– Помню, послали нас всем отделом на кагаты...

Кадрик 2

Была зима или поздняя осень. Мороз, и снега – как никогда. Ну, и послали нас в Свинятино. И странно как-то получилось: туда специальным автобусом везли, а обратно вечером – до города подбросили, а потом – каждый своим ходом.

Вот. Ну, приехали, мы, вышел к нам, как полагается, начальник, то есть это я думал, что он начальник, а оказалось – так себе, «линейный менеджер», выражаясь по-американски. Расставил нас по рабочим местам. Женщинам сказал хорошую капусту отделять от гнилой, а нам с Петькой Поросюком, моим приятелем, – собирать гниль и выбрасывать в кучу.

Воняло, я вам скажу, непередаваемо. Вот ведь загадка: растёт капуста без запаха, а как сорвут и отвезут на кагаты – вонь коромыслом. И склизкая какая-то становится.

Дали нам вилы собирать её – ничего не получилось: гнилые капустины нанизываются так, что никакими силами обратно их не сбросишь. Петька бармаки принёс, и дело пошло. Бармаки – это те же вилы, только с поперечинкой, чтобы капуста не нанизывалась.

Ну, сгребаем мы её и выносим, сгребаем и выносим.

Мы вообще с Петькой привычные были. Можно сказать, дня не проходило, чтоб не послали куда-нибудь. Отдел-то у нас был женский, а женщин сами знаете, куда посылали:

в колхоз, на кагаты, на стройку кирпичи по цепочке передавать. В общем, на лёгкую работу. А тяжести тягать – это мы с Петькой.

Петька вообще-то в подвале работал, ротационные машины обслуживал. А я – наверху, в отделе, информатикой ведал. Бывало, сядешь за стол, задумаешься, вроде вот уже почти осенило – и тут как раз зовут:

– Аркадий и Петя, помогите рулон бумаги перекатить.

Или:

– Аркадий и Петя, возьмите носилки в сарае и уберите кирпичи.

Петька говаривал:

– Эх, носить нам, не переносить.

Он был худющий, одно плечо выше другого, и почему-то небритый. А я – в белом халате ходил. Мы с ним были душа в душу. Бывало, сядем перекурить, Петька достанет «Приму» за 14 копеек, затянется, и мы не спеша так беседуем себе.

– Нам, – говорит, – что. Скажут сделать – сделаем. Скажут переделать – переделаем.

– Так-то оно так, – отвечаю. – Только вон прошлым летом на базе отдыха фундамент кувалдами разбивали. Обидно было.

– Да-а, – затянулся Петька, – сами сделали и сами разбили. Досадно.

– Хотя и хуже бывает. Вот Ваня с вычислительного центра подзалетел – ужас.

– А что? – Петька заинтересовался и закурил вторую.

– Да его в печку послали. Ну, на кирпичный завод. Там кирпичи в печках обжигают. Начальник отдела говорит: «Сходи, Ваня, за три отгула». Ну, Ванька и пошёл. А на кирпичном, я тебе скажу, одни бабы работают. Мужики не выдерживают. Бабы, они выносливей мужиков.

– Точно, – кивнул Петька. – Мужики сильнее, а бабы выносливей.

– Ну, вот. Пришёл он туда, спустился, а там такой предбанник перед печкой. Жарища – обалдеть. Сочи и Сухуми – северный полюс по сравнению с предбанником.

– Да ты что?!

– Жуть.

Он с полчаса поработал, и тут подходит к нему одна баба, она за главную была, и говорит:

– Сынок, залезь в печку, помоги там.

И открывает дверцу. А там – ты себе, Петюня, не представляешь, прямо как в аду: воздух аж красный от жары. Ванька туда залез, рот открыл – и задохнулся. Ну, ты представь: там же кирпичи обжигают. Пекло – одуреть. Бабы пашут, говорят: сделай то, сделай это. А он – стоит с открытым ртом, ни туда, ни отсюда.

Как-то вылез обратно, до дому доплёлся, дверь отпер и прямо в коридоре под вешалкой вырубился.

Жена, Светка, с работы вернулась, запыхалась, сумки прёт, а тут – дверь настезь, муж на полу. Она его ругать: ал-

каш, зараза, вообще совести нет. Не то что на ноги его поднять не может, а и до дивана не дотянет. Ну, Ваня – ты же знаешь – мужик здоровый. Соседа пришлось звать на диван парня укладывать.

Сутки проспал. Зарёкся после этого на кирпичный завод ходить. Никаких отгулов не хочет. Можете, говорит, увольнять к чёрту. Жизнь всё равно, говорит, дороже.

Ну, да ладно, отвлёкся я. Сгребаем мы с Петькой гнилую капусту и выносим, сгребаем и выносим... Вид у нас – тот ещё: фуфайки, ушанки, рукавицы как у дворников.

Всё нормально, вокруг тишина. Зима, морозец, сугробы, солнышко светит. Тягаем и разговариваем, как обычно.

И вдруг – вы не поверите: со второго этажа – а этаж высокий такой – вылетает Анна Никодимовна, завгруппой наша. Летит – представляете? Она вообще-то женщина видная, крупная, росту мужского, комплекции начальственной. В шубе специальной, для кагат, в шапке старой меховой, в сапожищах. Руки расставила, в каждой руке – по здоровенной сумке с капустой.

Где она хорошие кочаны нашла невоночие – до сих пор удивляюсь. Они ведь обычно все на кагатах сгнивали, до магазинов не доходили. Ну, чего только для семьи не сделаешь. Без капусты-то в хозяйстве никак, сами понимаете. А вынести не разрешают, отберут. Ещё и телегу на работу накатают.

Она и решила из окна сигануть. Там под окном сугроб здоровенный был, так что вообще-то не опасно было.

Ну, смотрим мы с Петькой – аж дух захватывает: летит из окна Анна Никодимовна, руки расставлены, в каждой руке по здоровенной авоське с капустой. Вся в чёрном, а вокруг снег белый. Как птица парит, зависает в воздухе и прямо в сугроб планирует. По грудь под снег ушла.

Мы обомлели.

И вот тут произошло самое неожиданное событие. Вдруг, откуда ни возьмись, вокруг сугроба как грибы выросли двенадцать – именно двенадцать, я несколько раз пересчитывал, – начальников. Вы только себе представьте: крупные, в хороших пальто, и все как на подбор – в пыжиковых шапках. А тогда ведь как: если человек в треухе, как Петька, или в кролике, как я, значит – так себе, инженеришка или работяга. А вот если в пыжике – это или торговый работник, или начальник.

Мы с Петькой поразились: до этого, кроме капусты, ничего не было, а тут – сплошное начальство, ровно двенадцать человек. Блок, да и только.

Окружили сугроб с Анной Никодимовной, акт составляют. Видно, думали хотя бы пристыдить, но не вышло у них. Она им достойный отпор дала.

– Мне, – говорит, – всё равно терять нечего.

Единственное, что им удалось – это отобрать капусту. Во-первых, они всё-таки начальство, а она, хоть и беспартийная, но завгруппой, так что было что терять. А во-вторых, народ её тоже не сильно поддерживал: хоть и по-геройски прыгну-

ла, а капусты не только ей хотелось. Что она, лучше других? Да вот только где её взять на всех, капусту?

Обсудили мы с Петькой это событие, а там и рабочий день закончился.

Сели в автобус – грязные, мокрые, в остатках капусты. А довели нас – я вам в самом начале говорил – до города, а там высадили, и мы пошли своим ходом. Ну, мне-то хорошо, я рядом живу, а с Петькой страшная история случилась.

Понимаете, ему ехать – на другой конец города, пешком часа три топать. А на дворе – вечер, холодно, устал после кагат как чёрт. Вот он и решил на обычном автобусе поехать. А транспорт, как назло, забит под завязку – народ с работы едет. Давка, толкотня. Петька из последних сил протиснулся.

Ну, в автобусе народ надышал, Петька оттаял, и дух от него пошёл – вы себе не представляете. Мы-то, когда на кагатах были, приняхались, а народ с непривычки задыхаться начал. Людей-то в автобусе человек сто, все усталые с работы едут, голодные и потому злые.

А посередине – Петька, со всех сторон зажатый, в треухе, телогрейке, одно плечо выше другого, зарос с утра, и воняет – кажется, не то что в автобусе, а и на улице слышно. Ну, скажите: можно его в таком виде за сотрудника НИИ принять?

Не приняли, конечно.

– Пошёл, – говорят, – вон отсюда. Развонялся тут.

Он сопротивляться. Откуда ж он знал, что от него гнилой капустой несёт? Вообще не понял, чего они к нему прицепи-

лись. А они – «Выметайся!», и всё. Мол, алкаш чёртов, и тому подобное. Выталкивать начали. Петька упирается, никак понять не может, в чём дело.

Двое здоровенных мужиков его под руки вынесли из автобуса. Хотели на остановке оставить, но он, ясное дело, сопротивлялся, так они потащили его в опорный пункт. Сдали участковому, чтоб разобрался. Мол, напился, провонял весь, так ещё и сопротивляется.

Петька чуть не плачет:

– У жены спросите! У меня жена, двое детей. Я домой скагат еду!

А телефона у него в доме не было. Пришлось ему всю ночь в опорном пункте просидеть. Утром из института приехали, из отдела кадров. Отгул дали за такое дело.

Вот так.

А сейчас, я вам говорю, не посылают.

Кадрик 3

Исак Менделевич покачал головой и домыл посуду. Услышанное произвело на него впечатление.

– Нет, – сказал он твёрдо, – отсюда нужно уезжать. И чем быстрее, тем лучше.

Они перешли в большую комнату, сели в мягкие кресла. На улицу выходить не хотелось, за окном собирался дождик.

– Что ни говорите, Аркаша, – проговорил Исак Менделевич, – а наш народ – это что-то особое. Кремень.

– Да-а, – согласился Аркадий Ильич. – Такой народ – ещё поискать.

Исак Менделевич съел шоколадную конфету и припомнил:

– Прошлой зимой послали меня по обмену опытом в Ленинград.

Мороз был жуткий, ехали ночью, а в поезде – ни света, ни воды, да ещё и не топят. Все сидят одетые, в шапках, зубы стучат громче колёс. И так – восемь часов почти без остановки. Утром прибыли в Питер.

Спустился я из вагона на перрон. Свет только забрезжил, ветер с Финского залива. Не просто холодно, а как-то, я бы сказал, безысходно.

И вот первое, что мне бросилось в глаза, – это большущая очередь прямо на перроне. Думаю: за чем стоят? Мне-то ни-

чего не нужно, просто любопытство одолело: за чем можно стоять ранним утром в такой мороз? Подхожу, спрашиваю:

– Православные, чего дают?

А они мне:

– Мороженое.

И едят его прямо там же, на перроне. Вот это народ!

Аркадий Ильич утвердительно кивнул:

– Едят что угодно и где угодно. У нас, например, на вычислительном центре работал парень – вы его знаете, Жора Либерштейн. Худющий – ужас, и всегда голодный.

– Помню, помню, он у меня останавливался. За день недельный запас провизии умял, дай ему Бог здоровья. Софа поражалась, куда всё у него девается, – живота ведь как такового и нет.

– Точно. Прожорливый, как Робин Бобин. Ну, вот однажды приходят они всем отделом с перерыва – кто где был, как водится. А Фира Хованская достала вымя.

– Откуда? – поразился Исак Менделевич.

– Почему откуда? В буфете купила. Коровье вымя достала в буфете по случаю.

Полкило взяла, очередь выстояла дикую. С продуктами тогда была напряжёнка, а тут как раз вымя выбросили прикопчённое. Она его принесла в отдел и положила в окно между стёклами, а сама пошла в машинный зал, у неё по графику было полчаса машинного времени.

А Либерштейн, как обычно, голодный был как волк.

Смотрел он на это вымя, смотрел, потом не выдержал, достал из окна и принялся отрезать крохотным таким перочинным ножичком тонюсенькие ломтики и есть. Причём что интересно: вымя-то было фактически сырое, только чуть-чуть прикопчённое. А так – резина резиной.

Я ему говорю:

– Ты что, обалдел – сырое мясо жрать?

А он мне:

– Ничего ты не понимаешь. Вкуснейшая вещь!

Так за полчаса всё вымя и уплёл.

Тем временем возвращается Фира, смотрит – а вымени нет. Она побагровела – я такого в жизни не видел, вообще-то она очень выдержанная была, интеллигентная, – и как закричит, ну просто не своим голосом:

– Где моё вымя?! Чем мне теперь ребёнка кормить?!

Мы боялись – убьёт Либерштейна. Обошлось, правда. Но другая на Фирином месте точно убила бы.

Дождь так и не собрался. Выглянуло солнце, защebetали птички, и Аркадий Ильич предложил прогуляться. Погода была чудесная, народу на улице мало, рабочий день начался совсем недавно.

– Вот вы рассказывали про поезд, – проговорил Аркадий Ильич. – Поезд, я вам скажу, это те же кагаты.

– В каком смысле? – удивился Исак Менделевич.

– Понимаете, наш поезд – это тоже особый мир.

– Государство в государстве?

– Вот именно! Сколько я накатался в поездах – это представить себе невозможно. Вообще, я вам скажу: кто в наших поездах с моё не поездил, тот России не знает.

– Ну, это вы немного преувеличиваете.

– Нет-нет, вот послушайте.

Кадрик 4

В поездах вы узнаете людей лучше, чем на большой земле. И закаляетесь физически как нигде. А каких личностей встречаете!

Помню, возвращался я из Ленинграда, с предварительной защиты диссертации. Решил сначала к вам заехать, а потом уже домой. Прибежал на вокзал, билета нет. Смотрю – поезд отходить собирается. Подбегаю к последнему вагону, к проводнице. Говорю со столичным акцентом, для правдивости:

– Девушка, пустите, пожалуйста, без билета: у меня в Москве дядя умер.

Придёт же такое в голову.

Она говорит:

– Предъявите телеграмму.

А я ей:

– Да полчаса назад по телефону позвонили, я прямо из дому на вокзал.

Ну, в общем, договорились, что она меня берёт за десятку, я постою в тамбуре, а когда все улягутся – приткнусь, где будет место. Вагон-то плацкартный.

До часу ночи простоял в тамбуре, смотрел, как говорят лирики, на уходящие вдаль рельсы.

Народ в поезде разложил кур, яйца, огурцы и принялся закусывать. Я, кстати, давно заметил, что в плацкартных ва-

гонах люди первым делом плотно закусывают, как будто не из дому пришли. Причём едят именно яйца, курицу и огурцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.